

- // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 43. — Ст. 5544.
14. Санташов, А. Л., Санташова, Л. Л. Исправление осужденных в контексте доктринальной модели общей части УИК РФ и действующего УК РФ // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2 т. — Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2016. — С. 230–234.
 15. Стругова, Е. В. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин : дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 1995.
 16. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Российская газета. — 2004. — № 230 (ред. от 21.12.2013).
 17. Чорный, В. Н. Правовые и организационные вопросы обеспечения безопасности осужденных в исправительных учреждениях : учеб. пособие. — Рязань: Ряз. ин-т права и экономики МВД России, 1999.
 18. Янчук, И. А. Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин : дис. ... канд. юрид. наук. — Вологда, 2009.

Сведения об авторах

Смирнов Александр Михайлович: ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vipnauka@list.ru
Никитин Александр Макарович: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк), профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор. E-mail: vipnauka@list.ru

Information about the authors

Smirnov Alexander Mikhaylovich: Research Institute of the FPS of Russia, Leading Researcher, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: vipnauka@list.ru
Nikitin Alexander Makarovich: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk), professor of the civil law chair, Doctor of Law, Professor. E-mail: vipnauka@list.ru

УДК 343.137.5: 343.850: 343.26

П. В. Тепляшин

СЛАВЯНСКИЙ ТИП ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

В статье обосновывается существование и дается краткая характеристика славянского типа европейских пенитенциарных систем, для которого характерны поиск сбалансированного подхода к решению дилеммы между обеспечением общественной безопасности и соблюдением доктрины прав человека, подведомственность органов управления пенитенциарными учреждениями соответствующим министерствам юстиции (за исключением Украины и Белоруссии), достаточно высокий коэффициент заключенных, как правило, минимальное количество иностранных осужденных, отрядная модель отбывания лишения свободы. Отмечается, что тюремные учреждения и органы управления данного типа имеют много общих черт.

Расширяется практика применяемых средств исправления осужденных в части получения общего образования и профессионального обучения, социальной реинтеграции, тренинговых психиатрических технологий, а также особенностей обращения с отдельными категориями заключенных (наркозависимыми, женщинами и др.).

Обращается внимание, что на фоне энергичного поддержания в тюрьмах стран славянского пенитенциарного типа прогрессивных стандартов обращения с осужденными в отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания отмечаются нарушения прав осужденных либо иные недостатки в организации деятельности тюрем.

Ключевые слова: *исправительная колония; международные стандарты; правовая семья; прогрессивная система; российская уголовно-исполнительная система; туберкулез; центр социальной адаптации.*

P. V. Teplyashin

SLAVIC TYPE EUROPEAN PENITENTIARY SYSTEMS

The article substantiates the existence and summarizes the Slavic European penal system, characterized by the search for a balanced approach to solving the dilemma between ensuring public safety and the observance of human rights, prison management authorities on the jurisdiction of the respective ministries of Justice (except Ukraine and Belarus), quite a high rate of prisoners, usually the minimum number of foreign convicts, detachment model of imprisonment. It is noted that prisons and controls of this type have many common features.

The author notes the extension of the following practices: applied means of correction in part of general education and vocational training is increasing, the use of social reintegration, training psychiatric technology, as well as the characteristics of the treatment of certain categories of prisoners (drug users, women etc.)

The attention is focused on the fact that in the context of active maintaining the progressive standards of treatment of convicted persons in prisons of the Slavic type of European penitentiary systems, violations of the convicted persons' rights are noted in the reports of the representatives of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment.

Keywords: *the penal colony; international standards; legal family; progressive system; Russian criminal-executive system; tuberculosis; Center for Social Adaptation.*

Теоретическое выделение и рассмотрение славянского типа пенитенциарных систем обусловлено развитием международной пенитенциарной науки, наличием типичных концептуальных подходов и направлений в сфере обращения с осужденными, использованием схожих методов исследования, процессом заимствования наиболее эффективных средств и методов исправления преступников и усилением международных контактов и взаимовлияний в этой сфере. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ № 1772-р от 14.10.2010 (в ред. от 23.09.2015), а также Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025)», утвержденной распоряже-

нием Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р, говорится о совершенствовании деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития. Реализация указанных стандартов отражается в практической стороне функционирования исправительных учреждений и обращения с осужденными. Обратиться к научно обоснованному пониманию состояния работоспособности механизмов исправительно-профилактического воздействия на осужденного, перспективам модернизации отечественного законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний и по-новому взглянуть на правоприменительную деятельность, сопутствующую реформированию уголовно-исполнительной системы, позволяет исследование основных уголовно-исполнительных

характеристик европейских пенитенциарных систем.

С позиций метода сравнительного правоведения важно заметить, что среди многообразия правовых систем (семей) самостоятельное место занимает славянская правовая семья. При этом российская правовая система оказала значительное воздействие на национальные правовые системы многих постсоветских государств. Тесные геополитические, социально-экономические, демографические и культурно-исторические межгосударственные связи России с Белоруссией, Украиной, Молдовой позволяют объединять их в правовую семью «славянского» типа, что, в свою очередь, предопределяет выделение соответствующих правовых систем частного уровня, а именно — славянской пенитенциарной системы. Использование термина «пенитенциарная система» считаем корректным: это обусловлено, во-первых, подчеркиванием цивилизационного и исторического подхода в исследовании феномена исправительного воздействия на осужденного, находящегося в местах лишения свободы, а во-вторых — акцентом на систему учреждений, исполняющих уголовные наказания, связанные именно с изоляцией от общества. В этой связи М. П. Мелентьев справедливо отмечал, что «пенитенциарная система — это не система размещения заключенных в тюрьмах, а вся исправительная система, связанная с исполнением наказания в виде лишения свободы, в совокупности со средствами и методами правового воздействия на осужденных лиц, с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [14, с. 166].

Славянский тип пенитенциарной системы (Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия) базируется на устойчиво консолидирующей цивилизационно-культурной платформе, элементами которой являются русская культура с определенными чертами общей исторической ментальности, русский язык, Русская православная церковь и русско-

украинско-белорусская диаспора. При этом ряд известных компаративистов обосновывают существование славянской правовой семьи, для которой характерна культурно-историческая специфика славянских народов [23, с. 202–220; 26, с. 118–139]. В основе данной культуры находится, как отмечает Т. И. Демченко, понимание особенностей «духовности, православия, соборности, праведного правления, обязательности труда, совести, ответственности. Она дала русскую идею, основанную на специфическом мировоззрении, целостном религиозно-нравственном восприятии духовного и материального мира, характеризующемся единством знания и веры, чутьем правды» [4, с. 126]. Например, относительно России и Украины криминологами указывается, что эти государства «имеют богатую событиями и непростую историю совместного существования. Несмотря на то, что в настоящее время Россия и Украина — независимые государства, их связывают тесные экономические, политические, культурно-исторические, демографические отношения» [16, с. 4]. Также необходимо отметить (начиная с аннексирования Российской империей Бессарабии от Османской империи) наличие глубоких социально-исторических, культурных и государственных молдавско-русских связей. При этом обнаруживается значительная типичность и схожесть молдавско-русской пенитенциарной доктрины и мировоззрения, организации функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания, законодательства и правоприменительной практики (что не свойственно для других, за исключением Белоруссии и Украины, бывших республик СССР), поэтому особого значения для интеграции молдавской сферы исполнения уголовных наказаний в славянский пенитенциарный тип принадлежность Молдавии к романским народам не имеет. Не случайно В. Н. Синюков указывает, что «славянский правовой тип... не сводится к этнически-славянскому национальному элементу... Самобытность славянской правовой семьи... обусловлена...

глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни славянских и неславянских народов» [23, с. 215]. Кроме того, с государственно-правовых позиций объединяющим фактором выступает такое уникальное для современного мира международно-правовое образование, как Содружество Независимых Государств.

Охват славянским типом пенитенциарных систем сферы исполнения уголовных наказаний только четырех указанных государств является авторской гносеологической позицией, которая не претендует быть истиной в последней инстанции и, возможно, заслуживает конструктивной критики, но призвана привлечь внимание научной общественности на перспективы исследования уголовно-исполнительной системы России именно в данном методологическом ракурсе.

Итак, пенитенциарная система славянского типа до сих пор характеризуется слабым системным характером взаимодействия на межгосударственном уровне (например, в Белоруссии Департамент исполнения наказания подведомствен МВД, тогда как в России Федеральная служба исполнения наказаний и Департамент пенитенциарных учреждений в Молдавии — министерству юстиции, Государственная пенитенциарная служба Украины является независимым государственным органом исполнительной власти, подотчетным главе правительства и лишь координируется кабинетом министров Украины через министра юстиции), но обладает исторически сложившимся и во многом незаменимым механизмом многоаспектного межнационального сотрудничества на постсоветском пространстве, значительным и долгосрочным латентным потенциалом сохранения культурно-правового суверенитета входящих в него пенитенциарных моделей. Совпадение интересов обеспечения совместной безопасности, в том числе за счет единообразных подходов в пенитенциарной практике, объективно обусловлено достигнутым существенным уровнем взаимной экономической, национальной, политической, международно-

правовой, военно-стратегической культурно-правовой интеграции государств-членов СНГ.

На основе информации, полученной на официальном сайте Международного центра тюремных исследований [34], можно сделать вывод, что славянский тип обладает исключительно высоким коэффициентом заключенных (около 300), незначительно ниже нормативной наполняемостью исправительных учреждений (96,5 %), что свидетельствует о традиционно значительном количестве и площадях исправительных учреждений в национальных пенитенциарных системах этого типа. Однако особенностью выступает снижение за последние десятилетия коэффициента заключенных в странах, входящих в рассматриваемый тип пенитенциарной системы. Так, в Белоруссии в 1998 г. этот показатель находился на отметке 620, в 2004 г. — на отметке 437, в 2009 г. — 438 и в 2012 г. — 335, в 2014 г. — уже 314. В Украине в 2000 г. этот показатель находился на отметке 443, в 2005 г. — на отметке 400, в 2011 г. — 338 и в 2013 г. — 324, а в 2016 г. — уже 167. В Молдавии в 1998 г. рассматриваемый показатель находился на отметке 287, в 2004 г. — на отметке 293, в 2007 г. — 242, в 2010 г. — 183, в 2014 г. — 193, однако в 2016 г. немного увеличился и составил 222. В России наблюдается стабильная динамика снижения этого показателя с 688 в 1998 г. до 588 в 2004 г., с 528 в 2004 г. до 471 в 2014 г., в 2016 г. данный показатель находился на отметке 433. Для данного типа характерен достаточно низкий удельный вес несовершеннолетних (0,4 %) и лиц, являющихся гражданами иностранных государств (2,6 %), в общей массе осужденных, подвергнутых тюремному заключению.

Пенитенциарная система Украины включает 148 учреждений, в том числе 29 следственных изоляторов, 113 колоний для совершеннолетних осужденных (общего, усиленного, сурового и особого режимов) и 6 колоний для молодых преступников. В Белоруссии насчитывается 15 исправительных колоний (общего,

строного и усиленного режимов), 3 исправительных колонии-поселения, 1 воспитательная колония, 3 тюрьмы, 9 лечебно-трудовых профилакториев, 29 исправительных учреждений открытого типа. В Молдавии 17 пенитенциарных учреждений [18]. Согласно ст. 6.(7) «Пенитенциарные учреждения» Закона от 17.12.1996 № 1036-ХІІІ «О пенитенциарной системе» они подразделяются на пенитенциарные учреждения открытого типа, полузакрытого типа и закрытого типа, пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних, для женщин, изоляторы уголовного преследования, арестные дома и пенитенциарные больницы [6]. В России насчитывается 217 следственных изоляторов, 8 тюрем, 24 воспитательных колонии и 716 исправительных колоний (общего, строгого и особого режимов), включая лечебные исправительные учреждения и колонии-поселения.

Объединяющим фактором славянского типа пенитенциарной системы выступает наличие системообразующих правовых актов, в частности, Модельного Уголовного кодекса и Модельного Уголовно-исполнительного кодекса. Проводивший исследование теоретико-правовых основ унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России А. А. Захаров отмечает важность унификации путем взаимной интеграции отдельных правовых институтов в уголовно-исполнительные кодексы обеих государств [9, с. 11]. В свою очередь О. С. Епифанов обоснованно указывает, что «для такой унификации имеются как объективные основания — многолетний опыт работы правоохранительных органов (в том числе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания) республик СССР, а ныне суверенных государств, входящих в СНГ; наличие в прошлом единой правовой системы, включая почти тождественное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное (исправительно-трудовое) законодательство; так и субъективные — психологическая совместимость работников правоохранительных органов стран

СНГ, в том числе персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, общность их правосознания и правоприменительной деятельности и т. п.» [5, с. 18].

Таким образом, славянская пенитенциарная система является самостоятельным типом теории и практики воздействия на осужденное лицо, в котором система исполнения наказаний базируется на евразийской концепции, предполагающей органичное сочетание Западного и Восточного векторов развития пенитенциарной парадигмы, складывающейся веками на протяжении всей истории России и тесно связанных с ней стран.

Правовую основу исполнения уголовных наказаний в Украине включают Конституция 1996 г., Уголовный и Уголовно-исполнительный кодекс 2001 и 2003 годов соответственно. Специалистами отмечается, что относительно пенитенциарной системы Украины «созданы основные законодательные предпосылки для эффективного исполнения наказаний, с тем чтобы достигались цели исправления и ресоциализации осужденных, обеспечивались и защищались их права и законные интересы, закрепленные международными пенитенциарными стандартами, учитывая при этом цели защиты интересов личности, общества и государства» [11, с. 68]. При этом обнаруживается совпадение по многим ключевым параметрам нормативных установок рассматриваемых стран. Так, согласно ст. 5 УИК Украины исполнение и отбывания наказаний основываются на принципах неотвратимости исполнения и отбывания наказаний, законности, справедливости, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, уважения к правам и свободам человека, взаимной ответственности, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения, сочетания наказания с исправительным воздействием, участия общественности в предусмотренных законом случаях в деятельности органов и учреждений исполнения

наказаний [17]. В соответствии со ст. 167 Исполнительного кодекса Республики Молдова «исполнение решений уголовного характера осуществляется на основе принципов законности, демократизма, гуманизма, соблюдения прав, свобод и уважения достоинства человека, равенства осужденных перед законом, дифференциации, индивидуализации и планирования исполнения уголовных наказаний, рационального применения средств исправления осужденных и стимулирования законопослушного поведения» [7]. Несложно заметить почти полное тождество с принципами, закрепленными в ст. 8 УИК РФ. Наблюдается значительное совпадение иных положений уголовно-исполнительного законодательства славянского пенитенциарного типа.

В Белоруссии правовой основой являются Конституция 1994 г., Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы 1999 и 2000 годов соответственно, Закон от 04.01.2010 «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них». В Молдавии — Конституция 1994 г., Уголовный и Исполнительный кодексы 2002 и 2004 годов соответственно, Закон от 17.12.1996 № 1036-XIII «О пенитенциарной системе», постановление Правительства Республики Молдова от 26.05.2006 № 583 «Об утверждении Устава отбывания наказания заключенными».

Для славянского типа пенитенциарной системы традиционно характерна недостаточно хорошая организация режимных требований и размещение осужденных в многоместных спальных помещениях, а не в общежитиях. В связи с этим Ю. В. Голик пишет: «Основная беда наших исправительных учреждений заключается в недостатках содержания осужденных. Мы традиционно строим не общежития, а бараки — многоместные спальные помещения» [2, с. 81–82]. Однако нельзя не заметить достаточно четкую правовую регламентацию элементов прогрессивной системы. Так, в ст. 65 Устава отбывания наказания заключенными, утвержденного постановлением Правительства Республики Молдова от

26.05.2006 № 583, закреплено: «Независимо от категории пенитенциарных учреждений осужденные отбывают наказание последовательно в трех режимах содержания: первоначальном, общем и ресоциализации, а осужденные к пожизненному заключению: в первоначальном, общем и облегченном». В соответствии со ст. 67-68 «перевод осужденного с одного режима содержания на другой в том же пенитенциарном учреждении осуществляется на основании решения пенитенциарного учреждения... При переводе осужденного принимаются во внимание его личность, характеристики, находящиеся в личном деле, поощрения и непогашенные взыскания, в том числе и информация об участии его в образовательных и социально-воспитательных программах» [8]. Как правило, прогрессивная система включает такие формы, как изменение условий отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение. Однако во многом достижение исправительного эффекта при применении прогрессивной системы строится на формальных подходах к степени исправления осужденного и, соответственно, неадекватной оценке возможностей реализации осужденными их субъективных прав и законных интересов [25, с. 38].

В структуре исправительных учреждений преобладают исправительные колонии, поскольку «в России камерное заключение никогда не играло существенной роли» [3, с. 93] (например, в настоящее время 3 тюрьмы в Белоруссии составляют приблизительно 12,5 % от всей системы исправительных учреждений, 8 тюрем в России — 1 %). Так, в специальных исследованиях отмечается, что «социальное и физическое структурирование коллективизма и пенитенциарного самоуправления остаются устойчивыми в постсоветский период... стойкие архитектурные формы и культурная привязанность к коллективизму составляют основу этой устойчивости» [44, с. 179]; именно коллективизм позволяет осуществлять внутренний контроль за

осужденными, в какой то степени подменяя функции администрации исправительного учреждения, а также создавать превосходную систему информирования осужденными друг о друге, повышая тем самым степень контроля за их поведением [40, с. 271–290]. В связи с этим можно привести мнение А. Б. Ретиша, который, исследуя советскую пенитенциарную реформу 1917–1925 гг., приходит к выводу, что «русские революционные реформы в тюрьмах отличались от других стран двумя важными моментами. Во-первых, советское государство первым предоставило каторжной тюрьме его естественно-союзника — бессознательный пролетариат, которым необходимо было руководить и трансформировать... Во-вторых, революция и социальные потрясения гражданской войны подорвали те самые реформы, которые государство поощряло. В то время как реформаторы мечтали о тюремной школе, реабилитированных заключенных, усваивающих социалистические идеалы, отсутствие ресурсов, негодность тюремных помещений, административные споры и социальный кризис превратили многие советские места заключения в полную противоположность того, что из них надеялись сделать — институты наказания» [49, с. 150]. Также отметим справедливые слова В. П. Сальникова, С. И. Захарцева и М. В. Сальникова, которые указывают, что именно «экономическая отдача и играла значимую роль при решении судьбы пенитенциарной системы и определяла уголовно-исполнительную политику тогдашней России на многие годы. Она осуществлялась через исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) органов внутренних дел» [21, с. 77].

В специальных исследованиях аргументированно отмечается гуманизация уголовно-исполнительной политики и демилитаризация российской уголовно-исполнительной системы [24, с. 124–135]. Авторитетными пенитенциаристами указывается на необходимость «ввести дополнительные гарантии соблюдения прав человека при отбывании лишения свободы, в частности: исключить гриф секрет-

ности из актов, затрагивающих права и обязанности осужденных; обеспечить в полном объеме их права на личное участие в суде... расширить способы поддержания социальных связей» [22, с. 59]. Однако Доминик Моран не без основания [37] указывает на то обстоятельство, что наследие советской практики лишения свободы, связанной с широким использованием труда осужденных, во взаимодействии с большой территорией постсоветских государств «привело к расположению многих пенитенциарных учреждений в географически периферийных местах... Многие характеристики российской тюремной жизни являются одинаковыми для мужчин и женщин (коммунальные общежития, а не покамерное заключение, обязательный труд заключенных, разная степень привилегий присваивается на основе хорошего поведения, наказания в виде усиленной изоляции)... Почти четверть женских тюрем расположены в пяти из восьмидесяти двух регионов, поэтому женщин посылают отбывать наказание еще дальше от дома чем мужчин, что имеет соответствующие последствия по поддержанию контактов с семьей и детьми» [38, с. 342; 41, с. 237–254]. Другие специалисты отмечают плохие условия перемещения осужденных к месту отбывания наказания и подсчитали, что только около 15–20 процентов осужденных всех категорий отбывают лишение свободы в своем родном субъект [43, с. 27–33] (однако источники и методика таких подсчетов не приводятся), а также обосновывают недостатки «общинной жизни» как формы подготовки осужденных к освобождению [39, с. 142–145].

Относительно белорусской системы исправительных учреждений можно отметить достаточно активное «строительство новых и реконструкцию действующих производственных объектов, а также приобретение нового и модернизация имеющегося технологического оборудования. При этом особое внимание уделяется расширению сети профессиональных училищ и увеличению количества лиц, обучаемых рабочим профессиям непосредственно на производстве» [10, с. 65].

Одной из «социальных» проблем остается относительно высокий уровень осужденных, болеющих туберкулезом. Так, в Республике Беларусь в 2013 г. показатель заболеваемости заключенных туберкулезом составил 247,5 на 100 тыс., что превышало заболеваемость данной инфекцией всего населения республики в 6,6 раза. Следует отметить, что в начале 2000-х гг. среднегодовой показатель заболеваемости туберкулезом в тюрьмах в 20 раз превышал аналогичный показатель по республике. При этом негативное влияние на ситуацию по туберкулезу в пенитенциарных учреждениях республики оказывает проблема сочетания туберкулеза и ВИЧ-инфекции. Например, в 2013 г. заболеваемость ВИЧ-ассоциированным туберкулезом в местах лишения свободы составила 1199,5, что в 4,8 раза выше заболеваемости туберкулезом всего спецконтингента [13, с. 179]. В специальных источниках отмечается проблема множественной лекарственной устойчивости туберкулеза как распространенного явления среди соответствующих больных по всей Беларуси. Причем по результатам исследования, проведенного в 2010–2011 гг., среди 1344 больных с множественной лекарственной устойчивостью 199 (14,8 %) освободились из мест лишения свободы (что было признано одним из независимых факторов риска заболеваемости) [51, с. 37–39]. По данным Международной неправительственной организации «Врачи без границ», туберкулез является серьезной проблемой исправительных учреждений Украины, особенно в ее восточной части. Официальный уровень смертности от туберкулеза в Украине составляет 15 на 100 000 населения, но среди заключенных эта цифра составляет около 150 человек [50, с. 45–56].

Достаточно острой является проблема обращения с осужденными, отбывающими лишение свободы и имеющими ВИЧ-заболевание в силу использования опиоидных инъекционных наркотиков. Однако, например, на Украине, даже в условиях применения заместительной опиоидной терапии, ремиссия в течение

одного года после освобождения составляет менее 15 % [35, с. 157]. Во многом это обусловлено имеющимися недостатками процесса применения заместительной опиоидной терапии, основным из которых выступает крайне осторожное отношение персонала исправительных учреждений к такому способу лечения наркозависимых осужденных [46, с. 53]. В Молдавии распространенность ВИЧ-инфекции среди заключенных составляет 1,9 %. В семи исправительных учреждениях применяется заместительная терапия. Однако в 2014 г. из 880 пациентов, в отношении которых использовалась опиоидная агонистическая терапия (ОАТ), только 259 (29,4 %) прекратили принимать метадон перед освобождением. Причем, как отмечается в специально проведенном исследовании, это связано не только с достижением ремиссии, но психологическим давлением и остракизмом осужденных, согласных на использование в отношении их ОАТ, со стороны других заключенных. Соответственно, это ставит под угрозу их личную безопасность, стигматизирует таких осужденных и понижает их в системе неформальной тюремной иерархии [45, с. 91, 94].

В деятельности исправительных учреждений предпринимаются серьезные попытки повысить эффективность подготовки осужденных к освобождению в целях их последующей успешной адаптации [1, с. 81–85]. Уже достаточно давно принят закон Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», Украины — Закон от 10.07.2003 № 1104-IV «О социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок», Республики Молдова — Закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» от 24.02.1999 № 297-XIV, но в России подобный нормативно-правовой акт федерального уровня отсутствует.

Можно отметить активное сотрудничество государств с различными международными организациями в области прав человека. Например, Россия пред-

ставляет национальную группу Международной ассоциации уголовного права (AIDP/IAPL) [33]. Функционирует Российское национальное отделение данной организации [20].

В рамках украинского-канадского сотрудничества начатая с марта 2011 г. имела место работа по реализации проекта «Реформирование системы уголовной юстиции относительно несовершеннолетних в Украине» (РСКЮ) [36]. Одним из результатов украинского-шведского сотрудничества стал реализуемый с июня 2008 г. проект «трехступенчатой всесторонней программы реинтеграции в общество граждан, которые находятся на испытательном сроке, а также освобожденных из мест лишения свободы» и создание Центра социальной адаптации «Дом на полпути» для освобожденных из мест лишения свободы женщин [29]. В свою очередь, украинско-нидерландское сотрудничество направлено на повышение эффективности работы в Прилуцкой и Кременчугской воспитательных колониях с молодыми осужденными, совершенствование процесса их реинтеграции в общество после освобождения, помощь в улучшении условий для развития их полезных социальных качеств. Такое сотрудничество сыграло значительную роль для появления проекта Совета Европы и Европейского Союза «Дальнейшая поддержка пенитенциарной реформы в Украине» на 2015–2017 гг. [12]. Наблюдается сотрудничество Государственной пенитенциарной службы Украины со многими другими пенитенциарными ведомствами государств Европы по достаточно широкому направлению, в частности, повышению эффективности исправительного воздействия, оптимизации механизмов соблюдения прав осужденных, их реинтеграции в общество.

Весьма активным является сотрудничество Департамента исполнения наказания Белоруссии не только с международными и правительственными организациями, но и с общественными, в частности, с Немецкой ассоциацией народных университетов (DVV-International) [19].

Представители национальных пенитенциарных систем рассматриваемого типа принимают достаточно активное участие в работе Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (СДАП), которые проходили, в частности, 9–10 июня 2015 г. в Бухаресте — 20-я Конференция, 17–18 июня 2014 г. в Хельсинки, 27–29 ноября 2013 г. в Брюсселе — 18-я Конференция, 22–24 ноября 2012 г. в Риме — 17-я Конференция, 13–14 октября 2011 г. в Страсбурге — 16-я Конференция, 9–11 сентября 2009 г. в Эдинбурге — 17-я Конференция, 19–21 ноября 2007 г. в Вене — 14-я Конференция, 25–27 ноября 2004 г. в Риме — Специальная Конференция, 6–8 ноября 2002 г. в Страсбурге — 13-я Конференция [30]. В 21-й конференции, прошедшей 14–15 июня 2016 г. в Зандаме (Нидерланды) и посвященной вопросам участия граждан в работе тюрем и служб пробации, в том числе роли семей правонарушителей и необходимости снижения негативного воздействия на детей факта содержания их родителей в местах лишения свободы, приняли участие представители России [27].

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, охватываемых рассматриваемым пенитенциарным типом, отмечаются недостатки в функционировании исправительных учреждений.

Украину СРТ посещал начиная с 1998 г. более 14 раз. В основном критике подвергалось отсутствие четкой законодательно регламентированной процедуры обжалования осужденными своих прав и решений администрации учреждений уголовно-исполнительной системы, крайне плохое медицинское и социально-бытовое обеспечение осужденных. Так, по результатам посещения в период с 9 по 16 сентября 2014 г. делегацией комитета указывалось на значительное количество заявлений от осужденных о жестоком обращении с ними со стороны тюремных служащих (например, очень

обширные избиения; в том числе дубинками, сдавливание живота веревочной петлей до состояния принудительной дефекации, непрерывное воздействие струей высокого давления воды из пожарного шланга), применение форм позиционной асфиксии, при которой осужденных принудительно заставляли лежать лицом вниз на полу, тогда как один из офицеров сидел на его спине, а другие вытягивали руки и ноги осужденного вверх, неприемлемое использование осужденных в качестве «информаторов» администрации (в частности, о содержании телефонных разговоров заключенных). Положения уголовно-исполнительного законодательства в части здравоохранения дают возможность администрации по собственному усмотрению разрешить или не разрешить осужденному воспользоваться медицинской помощью или дополнительными медицинскими услугами, а предусмотренная возможность оказывать заключенным платные медицинские консультации и лечение очень трудно реализовать в связи с порой непреодолимыми режимными запретами и ограничениями) [48].

Выполняется соответствующий план мероприятий по реализации рекомендаций Комиссара Совета Европы по правам человека, посетивший в феврале 2014 г. ряд учреждений, которые принадлежат к сфере Государственной пенитенциарной службы страны. В связи с этим делались попытки, в частности, законодательно расширить компетенцию в сфере контроля за сферой исполнения уголовных наказаний Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека.

Исследовав и обобщив практику Европейского Суда по правам человека относительно рассмотрения жалоб лиц, содержащихся в российских следственных изоляторах, Л. Паррот приходит к выводу, что соответствующие нарушения, являющиеся в основном результатом переполненности, не были следствием отдельных инцидентов, но имелись указания на системные недостатки [42, с. 158]. Однако, следует заметить, что, во-первых, речь идет в основном о след-

ственных изоляторах, а не исправительных учреждениях, во-вторых, этот вывод базируется на жалобах, поступивших в ЕСПЧ еще в «нулевые» годы (в частности, в статье указывается дело «Ананьев и другие против России» (Ananyev and Others v. Russia [32]). При достаточно широком перечне международных и межправительственных организаций, которые подвергают той или иной критике условия содержания осужденных и заключенных в пенитенциарных учреждениях России, достаточно резко, хотя и не достаточно аргументированно, выражаются относительно особенностей обращения с лицами, изолированными от общества, представители Европейской комиссии Европейского Союза [31].

Из доклада Государственного департамента США по Правам человека за 2015 г. следует, что в пенитенциарных учреждениях Белоруссии сохраняется «нехватка пищи, лекарств, теплой одежды и постельного белья, а также ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию, неотложной медицинской помощи и чистой питьевой воде. Вентиляция в камерах и общее санитарное состояние были неудовлетворительными, и условия, необходимые для поддержания надлежащего уровня личной гигиены, не обеспечивались. Заключенные часто жаловались на недоедание и низкое качество тюремной одежды и постельного белья. Некоторые бывшие политические заключенные сообщали о психологическом давлении и содержании в одной камере с лицами, совершившими насильственные преступления. Согласно закону, родные и близкие могут передавать задержанным продукты питания и средства гигиены, а также отправлять им посылки по почте, но это не всегда позволялось администрацией» [15].

Посещение СРТ в период с 9 по 16 сентября 2014 г. Республики Молдова выявило переполненность некоторых исправительных учреждений, невозможность трудоустроиться всем желающим осужденным (особенно несовершеннолетним и отбывающим пожизненное лишение свободы), существующие

ограничения контактов заключенных с внешним миром [47].

В докладе «Amnesty International 2016/2017. Права человека в мире» международной неправительственной организации «Международная амнистия» указывается, что в Молдавии «ничего не делалось для устранения структурных причин безнаказанности пыток и жестокого обращения. Некоторые пенитенциарные учреждения были переполнены и отличались неудовлетворительными условиями содержания... несмотря на видимые улучшения в одних камерах (которые обычно оплачивают родственники заключенных), в других наблюдалась переполненность и антисанитария» [28].

Можно заключить, что пенитенциарные системы славянского типа имеют технико-юридические и культурно-исторические особенности, отражающие более общие свойства правовой системы соответствующих государств: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование (соответственно, наблюдается превалирование «отрядно-колонийской» модели размещения осуж-

денных в местах лишения свободы над «покамерно-тюремной»); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не его инструментом (как результат, обнаруживаются традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты, как «государство», «общество» и «личность», тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, а не автономны и самостоятельны (в итоге отсутствуют частные исправительные учреждения, присутствует достаточно крепкая криминальная субкультура в местах отбывания уголовных наказаний).

Таким образом, выделение на европейской пенитенциарной карте славянского типа пенитенциарных систем позволяет по-новому взглянуть на особенности развития сферы исполнения уголовных наказаний в государствах, охватываемых данным типом, продемонстрировать перспективы внутренней интеграции относительно решения взаимовыгодных задач обеспечения безопасности и правопорядка в соответствующих странах, понять причины проблем реформирования уголовно-исполнительной системы России в последние годы, обнаружить резервы ее дальнейшего развития и оптимизации.

Литература

1. Бурый, В. Е. Государственная служба пробации — комплексный подход в организации социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2012. — № 5. — С. 80–87.
2. Голик, Ю. В. Реформа после «реформы» // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю. И. Калинина; под науч. ред. В. И. Селиверстова и В. А. Уткина. — М.: Юриспруденция, 2014. — С. 78–85.
3. Громов, В. Г., Данилова, С. О. Некоторые проблемы «советской» системы мест лишения свободы в России // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2011. — № 1. — С. 92–102.
4. Демченко, Т. И. Этнический, территориальный и темпоральный аспекты образования славяно-русского народа // Lex Russica. — 2016. — № 2. — С. 122–146.
5. Епифанов, О. С. Понятие и некоторые проблемы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников СНГ // Уголовно-исполнительное право. — 2007. — № 4. — С. 17–19.

6. Законодательство стран СНГ. Закон Республики Молдова от 17.12.1996 № 1036-ХІІІ «О пенитенциарной системе». — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3483.
7. Законодательство стран СНГ. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24.12.2004 № 443-ХV. — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7708.
8. Об утверждении Устава отбывания наказания заключенными: Постановление Правительства Республики Молдова от 26.05.2006 № 583. — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=13201.
9. Захаров, А. А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.
10. Кийко, Н. В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: состояние и перспективы // Международный пенитенциарный журнал. — 2015. — № 2. — С. 63–65.
11. Копотун, И. Н. Пенитенциарная система Украины: современное состояние и перспективы развития // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.): в 4 т. Т. 1: Доклады пленарного заседания. — Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — С. 65–68.
12. КРЕМЕНЧУГ. online. Сотрудники Кременчугской воспитательной колонии приняли участие в семинаре. — Режим доступа: <https://kremenchug.ua/news/kaleidoscope/33367-sotrudniki-kremenchugskoy-vospitatelnoy-kolonii-prinyali-uchastie-v-seminare.html>.
13. Кривонос, П. С., Гриневич, А. Ф., Рагулина, И.В. Туберкулез в пенитенциарных учреждениях Республики Беларусь // Медицинский альянс. — 2015. — № 1. — С. 179–180.
14. Мелентьев, М. П. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки. — Рязань, 2000.
15. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2015: Беларусь (U.S. Department of State. Human Rights Report 2015: Belarus). — Режим доступа: <http://photos.state.gov/libraries/belarus/1320868/PDF/BELARUS-HRR-2015%20RUS%20FINAL.pdf>.
16. Олькова, О. А. Криминологический и уголовно-правовой сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский периоды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015.
17. Официальный сайт Государственной пенитенциарной службы Украины. Уголовно-исполнительный кодекс Украины. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1129-15?test=4/UMfPEGznhhX9Y.Zilv8WBaHdlq.sFggkRbI1c>.
18. Официальный сайт Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Молдавии. — Режим доступа: <http://www.penitenciar.gov.md/ro/statistica>.
19. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Международное сотрудничество. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=221863>.
20. Российское национальное отделение Международной ассоциации уголовного права. URL: <http://aidp-russia.ru/>.
21. Сальников, В. П., Захарцев, С. И., Сальников, М. В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 7. — С. 71–85.

22. Селиверстов, В. И. Уголовно-исполнительная политика начала XXI века // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). — М.: Оригинал-макет, 2017. — С. 58–61.
23. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. — М.: Норма, 2010.
24. Скобелин, С. Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века // *Lex Russica*. — 2016. — № 4. — С. 124–137.
25. Тепляшин, П. В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению // *Пролог: журнал о праве*. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 37–44.
26. Тихомиров, Ю. А. Курс сравнительного правоведения. — М.: Норма, 1996.
27. 21st Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services. — Режим доступа: [http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/PRISONS/Conference_21_files/Draft %20Programme_ %20Bil_CDPPS_latest %20version.pdf](http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/PRISONS/Conference_21_files/Draft%20Programme_%20Bil_CDPPS_latest%20version.pdf).
28. Amnesty International 2016/2017. Права человека в мире. — Режим доступа: <https://amnesty.org.ru/pdf/AIR201617RUS.pdf>.
29. Convictus Ukraine. All-Ukrainian Charitable Organization. В Харькове прошел семинар по обсуждению программ ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и методов пробации. — Режим доступа: <http://convictus.org.ua/en/node/809>.
30. Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. — Режим доступа: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Directors_en.asp.
31. European Commission. Statement by Neven Mimica, Vice-President of the EC, on the case of Ildar Dadin, prisoner of conscience in Russia, extracts from the plenary session of the EP. — Режим доступа: <http://ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?sitelang=en&ref=I129521&videolang=EN>.
32. European Court of Human Rights. Country profile: Russia. — Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_RUS.pdf.
33. International Association of Penal Law. List of National Groups. — Режим доступа: <http://www.penal.org/en/list-national-groups>.
34. International Centre for Prison Studies. — Режим доступа: <http://www.prisonstudies.org/map/europe>.
35. Izenberg, J. M., Bachireddy, C., Soule, M., Kiriazova, T., Dvoryak, S., Altice, F. L. High rates of police detention among recently released HIV-infected prisoners in Ukraine: Implications for health outcomes // *Drug and Alcohol Dependence*. — 2013. — V. 133. — P. 154–160.
36. Legalans. Всеукраинский юридический портал. Уголовную юстицию по делам несовершеннолетних реформируют. URL: <http://legalans.com/articles/news/1996-ugolovnuyu-yusticiyu-po-delam-nesovershennoletnih-reformiruyut.html>.
37. Mapping the Gulag. Russia's prison system from the 1930s to the present. The number of prisoners in colonies of different types per 100,000 population. URL: <http://www.gulagmaps.org/maps/map.php?series=5&map=ratio>.
38. Moran, D. Between outside and inside? Prison visiting rooms as liminal carceral spaces // *GeoJournal*. 2013. V. 78. P. 339-351.
39. Moran, D., Pallot, J., Piacentini, L. Privacy in penal space: Women's imprisonment in Russia // *Geoforum*. — 2013. — V. 47. — P. 138–146.
40. Pallot, J., Piacentini, L. Gender, Geography and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia. — Oxford: Oxford University Press, 2012.
41. Pallot J., Katz E. The Management of Prisoners' Children in the Russian Federation // *Howard Journal of Criminal Justice*. — 2014. — V. 53. — I. 3. — P. 237–254.

42. Parrott, L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system // *Post-Soviet Affairs*. — 2015. — Vol. 31. — No. 2. — P. 136–175.
43. Piacentini, L., Pallot, J. “In exile imprisonment” in Russia // *British Journal of Criminology*. — 2014. — № 54. — P. 20–37.
44. Piacentini, L., Slade, G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // *Theoretical Criminology*. — 2015. — V. 19 (2). — P. 179–197.
45. Polonsky, M., Azbel, L., Wickersham, J. A., Marcus, R., Doltu, S., Grishaev, E., Dvoryak, S., Altice, F. L. Accessing methadone within Moldovan prisons: Prejudice and myths amplified by peers // *International Journal of Drug Policy*. — 2016. — V. 29. — P. 91–95.
46. Polonsky, M., Azbel, L., Wickersham, J. A., Taxman, F. S., Grishaev, E., Dvoryak, S., Altice, F. L. Challenges to implementing opioid substitution therapy in Ukrainian prisons: Personnel attitudes toward addiction, treatment, and people with HIV/AIDS // *Drug and Alcohol Dependence*. — 2015. — V. 148. — P. 47–55.
47. Report to the Government of the Republic of Moldova on the visit to the Republic of Moldova carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 25 September 2015. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806975da>.
48. Report to the Ukrainian Government on the visit to Ukraine carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 16 September 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ukr/2015-21-inf-eng.pdf>.
49. Retish, A. B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia // *Historical Research*. — 2017. — V. 90. — I. 247. — P. 134–150.
50. Sarang, A., Platt, L., Vyshemirskaya, I., Rhodes, T. Prisons as a source of tuberculosis in Russia // *International Journal of Prisoner Health*. — 2016. — V. 12. — I. 1. — P. 45–56.
51. Skrahina, A., Hurevich, H., Zalutskaya, A., Sahalchyk, E., Astrauko, A., Hoffner, S., Rusovich, V., Dadu, A., Pierpaolo de Colombani, Dara, M., Wayne van Gemerte, Zignole, M. Multidrug-resistant tuberculosis in Belarus: the size of the problem and associated risk factors // *Bull World Health Organ*. — 2013. — V. 91. — P. 36–45.

Сведения об авторе

Тепляшин Павел Владимирович: Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск), доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pavlushat@mail.ru

Information about author

Teplyashin Pavel Vladimirovich: Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk), Associate Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor. E-mail: pavlushat@mail.ru